

ДВОЙНОЕ ПАДЕЖНОЕ МАРКИРОВАНИЕ В ПЕРМСКИХ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена исследованию словоформ, содержащих два и более различных падежных суффикса. Выявлены типы двойного падежного маркирования, уточнен ареал их распространения. Установлено, что в пермских языках и их диалектах представлено большинство выделяемых типов двойного падежного маркирования: 1) *эллиптический* (Simple headless adnominal) представлен во всех пермских языках, широкое распространение получил в удмуртском; 2) *деривационный* (Derivational) имеет место в коми языках при образовании отдельных падежных форм личных местоимений 1-го и 2-го лица множественного числа; 3) *слоложение локативных суффиксов* (Case stacking) было характерно для ранних состояний пермских языков. Типичным примером являются показатели приблизительно-местных падежей коми языков, сформировавшиеся в результате слияния суффикса аппроксиматива и суффиксов остальных местных падежей, ср. *керка-лань* 'в сторону дома', *керка-ланьысь* 'со стороны дома', *керка-ланьын* 'около дома' и др.; 4) *дублирование падежа вершины именным зависимым* (Headed adnominal with a case-marked head) наблюдается только при инверсии и парцелляции; 5) *плеонастический* (сочетание двух падежных суффиксов, дублирующих одно и то же значение). Зафиксировано дублирование морфологического выражения падежа (в коми-зырянском языке к формам генитива и датива личных и усилительно-личных местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа присоединяются суффиксы генитива и датива существительных) и двойное выражение семантико-синтаксической функции падежа (в коми-зырянском языке одновременно могут употребляться суффиксы элатива и компаратива при выражении сравнительного значения). Отмечены свойства падежных суффиксов в различных типах двойного падежного маркирования, возможность их дальнейшего развития. Эмпирической базой для исследования послужили оригинальные тексты на коми-зырянском, коми-пермяцком и удмуртском языках из печатных источников и электронных корпусов.

Ключевые слова: пермские языки, морфология, существительное, местоимение, категория падежа, двойное падежное маркирование, эллипсис, плеоназм, инверсия, парцелляция.

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-3-378-386

По морфологическому типу финно-угорские языки, в состав которых входят и пермские, традиционно считаются агглютинативными. Однако черты, характерные для этого морфологического типа, представлены в них недостаточно последовательно, в каждом языке в разной степени наблюдаются фузионные явления и чередования фонем на стыке морфем. В литературных коми языках показатели падежей характеризуются устойчивостью, в удмуртском языке и коми диалектах они представлены вариантами и алломорфами [Баталова 1975, 129–169; Кельмаков 1998, 117–123; Некрасова 2009; 2020; Карпова 2018; Попова, Сажина 2014, 100–124; Сажина 2012; 2021; Baker 1985, 107–115; др.]. Кроме того, одна словоформа может содержать два и более различных падежных суффикса. Отдельные аспекты двойного падежного маркирования рассмотрены в ряде работ на материале удмуртского языка [Алатырев 1970; Кондратьева 2011, 210–224; 2011а; Некрасова 2018; Usacheva, Arkhangelskiy 2018].

Цель данного исследования – выявить типы двойного падежного маркирования и определить ареал их распространения в пермских языках. Эмпирической базой для исследования послужили оригинальные тексты на коми-зырянском, коми-пермяцком и удмуртском языках из печатных источников и электронных корпусов. Основным источником материала удмуртского и коми-зырянского языков явились тексты Корпуса удмуртского языка [КУЯ] и Корпуса коми языка [ККЯ]. При исследовании использованы описательный и сравнительно-сопоставительный методы.

Согласно типологическим исследованиям, в языках мира распространены следующие типы двойного падежного маркирования: 1) *case stacking*: два падежных суффикса используются для выражения пространственного значения; 2) *derivational*: один из падежных суффиксов служит косвенной основой для образования остальных падежей; 3) *referential*: существительное в форме местного

падежа, обозначающее место действия, присоединяет показатель падежа существительного, референт которого находится в этом месте; 4) *headed adnominal, with a case-marked head*: именное зависимое, оформленное падежным показателем, дублирует падеж вершины; 5) *headed adnominal, with no case marking on the head*: именное зависимое оформлено двумя падежными суффиксами, падежом приименного определения, и падежом для именного словосочетания в целом, но вершина не имеет падежного оформления; 6) *simple headless adnominal*: зависимое, оформленное генитивом или другим падежом, принимает показатель падежа элидированной вершины; 7) *complex attributive nominal*: имя, оформленное падежным показателем, маркируется атрибутивно-номинализирующим аффиксом и может получать падежное оформление соответственно своей синтаксической роли [Noonan 2008]. В пермских языках засвидетельствовано большинство типов двойного падежного маркирования, выделенных М. Нуаном. Однако сфера распространения и продуктивность их употребления в современных языках различаются.

1. *Сложение суффиксов*, т. е. маркирование существительного показателями двух локативных падежей, было представлено в ранние периоды развития финно-угорских языков. Об этом свидетельствует образование суффиксов ряда местных падежей, в частности внутрнеместных падежей в прибалтийско-финских языках, транслатива в мордовских и прибалтийско-финских языках, элатива и инессива в мордовских языках, эгрессива в пермских языках и др. [Майтинская 1979, 114–117]. Наглядным примером являются показатели приблизительно-местных падежей коми языков, которые сформировались в результате слияния суффикса аппроксиматива с формантами других местных падежей [подробнее см.: Некрасова 1985; Кузнецов 2012, 165–175], ср.: *керка-лань* ‘в сторону дома’, *керка-ланьысь* ‘со стороны дома’, *керка-ысь* ‘из дома’, *керка-ланьын* ‘около дома’, *керка-ын* ‘в доме’, *керка-ланьсянь* ‘со стороны дома’, *керка-сянь* ‘от дома’ и др.

Совершенно очевидно, что исходными компонентами сложного суффикса явились стандартные падежные суффиксы. Однако в составе сложного суффикса первый выражает значение локализации – проксимативность, второй – значение ориентации, характеризующее направление развертывания события по отношению к объекту (перемещение или местонахождение объекта).

К этому типу можно отнести одновременное употребление суффиксов консекутива и элатива для выражения различных аспектов пространственной ситуации в среднесысольских говорах коми-зырянского языка, хотя консекутив в современных коми языках в пространственном значении не употребляется. Примеры кз., сс. *Мэ во(й)и йёллас'ыд*. ‘Я сходила за молоком’; *Турунлас'ыс воа да вэгла*. ‘Привезу сено и схожу’ [ССД 34].

2. *Деривационный тип* двойного падежного маркирования. В коми языках косвенные падежные формы личных местоимений 1-го и 2-го лица множественного числа образуются на основе генитивной формы, ср. кз., кп. *ми* ‘мы’, *миян* [мы.GEN] ‘наш’, кз. *миян-лысь*, кп. *миян-лись* [мы.GEN-ABL] ‘у нас (взять)’, кз. *миян-лы*, кп. *миян-лӧ* [мы. GEN-DAT] ‘нам’, кз., кп. *миян-ӧн* [мы.GEN-INSTR] ‘нами’ и т. д. [КПЯ 233–234; ÖKK 168]. Некоторые падежные формы местоимений в коми-зырянском языке образуются от вариативных основ, например, комитатив: *ми-кӧд* [мы-COM] ~ *миян-кӧд* [мы.GEN-COM] ‘с нами’, и абессив: *ми-тӧг* [мы-ABES] ~ *миян-тӧг* [мы.GEN-ABES] ‘без нас’. В таких случаях в коми языкознании принято говорить о наличии разных основ, номинативной / генитивной основы, при этом показатель генитива не рассматривается как часть суффикса косвенных падежей [ÖKK 168; Федунева 2008, 53]. Т. Архангельский и М. Усачева относят к этому типу одновременное употребление суффиксов рецессива и генитива в бесермянском наречии: *mužik-las'en, mužik-len-las'en* [wedding guests] from the side of the husband’ [Usacheva, Arkhangelskiy 2018, 129].

3. *Тип двойного падежного маркирования, возникший в результате эллипсиса вершины именной группы*, распространен в ряде финно-угорских языков [ГМЯ 227; Winkler 2001, 43; Namari 2015; др.]. В мордовских языках он рассматривается в рамках особого склонения, именуемого частной разновидностью указательного склонения, особенность которой состоит «в прибавлении к формам косвенных падежей основного склонения постпозиционных морфем определенности, причем форма в известной мере теряет свою падежную функцию и приобретает значение близкое к словообразовательному» [ГМЯ 227]. Неоднозначно интерпретируется данное явление в удмуртском языкознании. А. И. Емельянов два падежных суффикса в составе одной словоформы трактовал как сложный суффикс [Емельянов 1927, 145–146]. В. И. Алатырев рассматривал их в рамках выделительно-указательной категории, отмечая, что в удмуртском языке выделительно-указательные (дейктические) аффиксы *-эз (-ез)* (в ед. ч.) и *-ыз* (во мн. ч.), вносящие в семантику слова значения: ‘именно тот (та, то) из них’, ‘именно те из них’, заменяют пропущенные слова или словосочетания: *Иванлэнэз* ‘тот, который принадлежит Ивану’, *Иванлэнэзтэк* ‘без того, который принадлежит Ивану’ [Алатырев

1970, 4–6]. По обобщениям Н. В. Кондратьевой, при одновременном употреблении двух падежных суффиксов выделительно-указательный суффикс не является обязательным. В качестве первого могут выступать суффиксы объектных и пространственных падежей, чаще всего генитива, аблатива, инструментала, адвербиала, элатива, инессива, терминатива [Кондратьева 2011, 212–213].

Этот тип двойного падежного маркирования шире распространен в удмуртском языке, чем в коми, поэтому морфосинтаксические свойства словоформ с двумя суффиксами описаны в настоящей статье на материале удмуртского языка в двух типах эллиптических конструкций – в именной посессивной и сравнительной.

3.1. *Двойное падежное маркирование, возникшее в посессивной конструкции.* Удмуртский язык располагает разными средствами для выражения посессивных отношений (подробно см.: [Едыгарова 2010]). В именной посессивной конструкции зависимое может быть маркировано показателем генитива, аблатива, инструментала, адвербиала, элатива, наиболее древним способом оформления посессивной зависимости является простое соположение вершины (обладаемого) и зависимого (посессора). Двойное падежное маркирование посессора наблюдается при эллипсисе обладаемого, в этом случае посессор к собственным грамматическим формам присоединяет падежный суффикс вершины (обладаемого). Примеры двойного падежного маркирования, возникшего в посессивной конструкции с зависимым в генитиве (1), аблативе (2), инструментале (3), элативе (4), адвербиале (5):

(1) удм. *Студентъёслэн картаязы 500 манет, 580 но 700 манет тыроно луоз, нош дышетскисьёслэнэз 220, 250 но 300 манет.* (Иднакар, 2012.06.14) ‘В студенческие карты (‘в карту студентов’) приходится вносить 500 рублей, 580 и 700 рублей, а в ученические (‘в карту учеников’) 220, 250 и 300 рублей’.

(2) удм. *Нырысь лыдзэм Марайколэсьсэ, нош сэре Ар-Сергилэсь.* (igoninamagia.ru Мария Игонина 2015–2016) ‘Вначале мы читали [произведения] Марайко, а потом [произведения] Ар-Серги’.

(3) удм. *Ма, ачиз но дуно мороженой сие. Ми, 30 манетэнэз «укыр вöе» шуыса, 5 манетэнэз нюлйськом.* (Удм. дунне, 2008.05.28) ‘Да, он и сам дорогое мороженое ест. Мы едим мороженое за 5 рублей, потому что за 30 рублей «слишком жирно»’.

(4) удм. *Городысьсэ но вераса, удмуртъёс 40–50 процентозь луыло.* (Удмурт дунне, 2009.01.16) ‘Учитывая и [население] города, [численность] удмуртов может достигнуть до 40–50 процентов’.

(5) *Эшъяськон котькыче луэ. Одно ик вань пичи дыр эшед <...> Ужын нош ас мылкыдыдъязгес пумитаськод.* ‘Дружба бывает разной. Обязательно есть друг детства <...>. А на работе выбираешь (‘встречаешь’) того, кто ближе тебе по характеру’ (Кондратьева 2011, 213).

Исключение составляет конструкция с немаркированным выражением посессора. При эллипсисе вершины такой конструкции зависимое принимает форму генитива, а также посессивный суффикс, отсутствовавшие в исходной форме вершинного существительного. Это обусловлено тем, что в удмуртском языке в именной группе с генитивным зависимым вершина требует соответствующего посессивного суффикса. Так, в примере (6) словоформа *Алнаш-лэн-а-з* восходит к *Алнаш ёрос-э*, при пропуске существительного *ёросэ* предшествующая словоформа получила маркер генитива, падежный суффикс пропущенного существительного и посессивный суффикс.

(6) *Аръёс ортчемъя ёрослэн оглюкетэз выжиз Можга районэ, нош Елабужской ёрослэн одйг сельсоветэз пыриз Алнаш-лэн-а-з.* (Алнаш ёрос, 2013.03.07) ‘Со временем часть района перешла в Можгинский район, а один сельсовет Елабужского района вошел в Алнашский [район]’.

Вставка генитивного суффикса в данном случае обязательна, при его отсутствии изменился бы смысл предложения, ср.: *Алнаш-э* ‘в состав села Алнаши’ (< **Алнаш ёрос-э*) и *Алнаш-лэн-а-з* (< *Алнаш ёрос-э*) ‘в состав Алнашского района’.

В удмуртских диалектах зафиксированы словоформы, содержащие более двух падежных суффиксов. Такие случаи возможны при наличии в слове указательного суффикса *-эз/-ез, -ыз*: удм. бавл. *Шур улын Гарась Петька-лэн-ёс-ыз-лэн-ёс-ыз куаш каро.* ‘У речки шумят те, которые являются детьми сыновей (дочерей) Петра Герасимовича’ [Алатырев 1970, 9–10].

Как видно из приведенных примеров, словоформа кроме двух (и более) падежных суффиксов может содержать и показатели других грамматических категорий существительного – числа и посессивности, семантически модифицирующие зависимое или элидированную вершину. В составе таких словоформ можно выделить два комплекса грамматических показателей. Первый составляют исконные показатели словоформы, присущие зависимому до присоединения грамматических форм элидированного существительного. Второй образуют суффиксы, присоединившиеся к зависимому после эллипсиса вершинного существительного. В предложении (1) словоформа *дышетскисьёс-лэн-а-з* восходит к

именной группе *дышетскись-ёс-лэн карта-йа-зы*. После эллипсиса существительного *карта-йа-зы* зависимое сохранило исходные грамматические формы – суффикс множественности и суффикс генитива, присоединив суффикс инессива *-а* и посессивный суффикс *-з*.

Исконные грамматические формы зависимого сохраняют свою позицию в составе словоформы; в линейной последовательности они занимают первую позицию, внутреннюю по отношению к добавленным грамматическим формам. Суффиксы посессивности и множественности в обоих комплексах сохраняют свое грамматическое значение, указывая соответственно на посессивные отношения и множественность (аддитивную, ассоциативную). Первый падежный суффикс указывает на синтаксическую связь исходных компонентов посессивной конструкции, второй суффикс – на связь этой словоформы с другим компонентом предложения.

В коми языках такой тип двойного падежного маркирования встречается редко. В ККЯ обнаружены словоформы с двумя падежными суффиксами, в линейной последовательности морфем первым следует суффикс генитива. Кз. *Менам пасакаёй вёлі Македон-лён-сянь неылын*. (И. Торопов) ‘Моя пасака была недалеко от пасаки, принадлежащей Македону’.

3.2. *Двойное падежное маркирование, возникшее в сравнительной конструкции*. В сравнительных конструкциях двойное падежное маркирование возникает, когда объект и стандарт сравнения исходно выражены группой из именной вершины и именного или местоименного зависимого либо синтаксической конструкцией. При пропуске компонента, имеющего эксплицитно выраженную или соотносимую по смыслу параллель в объекте сравнения, два падежных суффикса получают несопадающий с объектом сравнения компонент стандарта сравнения. Если судить по данным КУЯ, двойное падежное маркирование в удмуртском языке чаще всего распространяется на генитив (1), реже на элатив (2), инструментал (3), инессив (4):

(1) *Мугорыз кор зётта, син котыраз но ангесаз кисыри-ос-ыз Оля-лэн-лэсь трогес*. (Удмурт дунне, 2012.11.27) ‘Ее тело толщиной с бревно, морщины вокруг глаз и на подбородке больше, чем у Оли’.

(2) *Пермысь команда Иж-ысь-лэсь кужмогес вал*. ‘Команда из Перми была сильнее [команды] Ижевска’.

(3) *Анай сйлен мильым пöраны кисьтэм йёл-ын-лысь золгес яратэ*. ‘Мама больше любит готовить блины с мясом, чем [блины] с творогом’.

(4) *Нош кылем арын турыньёс 2011-тй ар-ын-лэсь вылэм турынь-ёс-лэсьлябесьгес вал*. (Удмурт дунне, 2013.02.15) ‘А в прошлом году травостой был хуже, чем [травостой] в 2011 году’.

При эллипсисе именной вершины в каждом случае сохраняется маркер сравнения – суффикс аблатива, который занимает завершающую позицию в линейной последовательности морфем в составе слова, суффиксы множественности и посессивности имеют тенденцию утрачиваться, если объект и стандарт сравнения исходно выражены именной группой во множественном числе, как в примере (1): словоформа *Оля-лэн-лэсь* восходит к *Оля-лэн* (син котыраз но ангесаз) *кисыри-ос-ыз-лэсь*; зависимое может принимать выделительно-указательный суффикс, как в примере (5): словоформа *тынад-эз-лэсь* восходит к *тынад ныл-ыд-лэсь*.

(5) *А мон тынад-эз-лэсь чебергес но визьмогес ныл вордыны быгато*. (Удмурт дунне, 2009.01.13) ‘А я смогу вырастить дочь красивее и сообразительнее твоей дочери’.

В коми-зырянском языке в эллиптических сравнительных конструкциях используются суффикс элатива и послелог *дорысь* ‘по сравнению’, в коми-пермяцком языке – суффикс компаратива: кз.: *Пöрысьöдз олöмныд, а вежöрныд челядьлöнысь этша*. (В. Чисталев) ‘Дожил до старости, а ума не нашёл (меньше, чем у детей)’; *Керкаыс сьлөн Педöрлөн дорысь нин важдэжык да омöлдэжык*. (В. Савин) ‘Его дом по сравнению с [домом] Федора уже древнее и ветше’; кп. *Налён кучиккез вöлисö соседдэзлөнся унажык да буржыкось*. (В. Баталов) ‘Пушнина у них была в большом количестве и качественнее, чем у соседей’.

В коми-зырянском языке, в отличие от удмуртского, в качестве маркера сравнения выступают сравнительные послелоги, если объект и стандарт сравнения сопоставляются по признаку темпоральной и пространственной локализации: кз. *Тайö воддза воын серти 0,1 литрöн ундэжык да 2005 воын дорысь 4,6 литрöн этшадэжык*. (Коми му, 2010) ‘Это по сравнению с прошлым годом на 0,1 литров больше и на 4,6 литров меньше, чем в 2005 году’.

Таким образом, при эллипсисе вершинного существительного в посессивной конструкции его грамматические показатели сохраняются, присоединяясь к зависимому; при эллипсисе компонента стандарта сравнения сохраняется преимущественно падежный суффикс, выступающий маркером

сравнения. В обоих типах конструкций второй суффикс обеспечивает связь с другим компонентом предложения. Первый суффикс в посессивных конструкциях, в том числе в сравнительных посессивных, указывает на синтаксическую связь зависимого с вершиной, а также на смысловое отношение между зависимым и вершиной.

4. *Дублирование падежа вершины именным зависимым*. В пермских языках именное зависимое в стандартной позиции не дублирует падеж вершины. Однако в случае инверсии, когда зависимое находится в постпозиции по отношению к вершине или отделено от вершины другими компонентами предложения (1), или парцелляции, когда зависимое намеренно отделено от вершины пунктуационно и интонационно, зависимое может принимать второй падежный суффикс, схожий с суффиксом вершинного существительного (2).

(1) удм. *Сэрегысь пукон вылын Марья черсьськыса но керттйськыса пукылйз, вужмем дйсь-кутъёссэ вурылйз-кышъяллыз, Иванлэсьсэ оз, аслэсьтыззэ.* (Удмурт дунне, 2012.09.19) 'В углу на стуле Марья пряла и вязала, зашивала-штопала старую одежду, не Ивана [одежду], а свою'.

(2) удм. *Кылзы ай, тыныд вылй кивалтйсь-ёс-лы вазиськоно вылэм. Районысьёсызлы, городысьёсызлы.* 'Послушай, тебе следовало бы обратиться к руководителям. Районным (букв. к тем, кто из района) или к городским (букв. к тем, кто из города)' (Кондратьева 2011: 224).

В первом примере повтор падежного суффикса является факультативным, что объясняется возможностью отделения аблативного зависимого от вершинного имени.

5. *Плеонастическое сочетание суффиксов*. В коми-зырянском и удмуртском языках наблюдаются случаи одновременного употребления двух падежных суффиксов, выражающих одно и то же значение, в частности двойное морфологическое выражение падежа и двойное выражение семантико-синтаксической функции падежа.

5.1. *Двойное морфологическое выражение падежа*. В коми-зырянском языке зафиксировано маркирование генитивных форм личных местоимений 1-го и 2-го лица ед. и мн. числа, а также дативных форм личных местоимений 1-го и 2-го лица ед. числа соответственно суффиксами генитива и датива существительных, ср. кз.: *менам* [я. GEN] ~ *менам-лөн* [я. GEN-GEN] 'у меня, мой', *меным*, [я. DAT] ~ *меным-лы* [я. DAT-DAT] 'мне', *миян* [мы. GEN] ~ *миян-лөн* [мы. GEN-GEN] 'у нас, наш', *тиян* [вы. GEN] ~ *тиян-лөн* [вы. GEN-GEN] 'у вас, ваш' [ÖKK: 169, 173], что обусловлено влиянием субстантивной парадигмы на местоименную. Данное явление характерно для диалектов, единичные случаи отмечены в ККЯ, см. таблицу (дата вхождения: 26.10.2021):

Частотность употребления генитивных и дативных форм личных местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа

местоимение 1-го лица				местоимение 2-го лица			
генитив		датив		генитив		датив	
<i>менам</i>	95910	<i>меным</i>	80956	<i>тэнад</i>	30883	<i>тэныд</i>	41194
<i>мелён</i>	279	<i>мен</i>	9506	<i>тэлён</i>	70	<i>тэд</i>	7034
<i>менамлөн</i>	14	<i>менлы</i>	167	<i>тэнадлөн</i>	15	<i>тэн</i>	3127
<i>менлөн</i>	2	<i>менымлы</i>	11	<i>тэнлөн</i>	1	<i>тэнлы</i>	108
						<i>тэдлы</i>	9
						<i>тэныдлы</i>	7

В отдельных срединных и северных удмуртских говорах в результате одновременного употребления двух различных суффиксов аккузатива с личными местоимениями 1-го и 2-го лица множественного числа развились суффиксы *-дыс* < *-ды* + *-ыз* (-эз) и *-ысты* (-эсты) < *-ыз* (-эз) + *-ты* [Кельмаков 1998, 114–115], ср. сев. *мил'эм-ысты*, *мил'эм-эсты*, *мил'эм-дыс* 'нас'; *тил'эд-ысты*, *тил'эд-эсть*, *тил'эд-дыс* 'вас' [Карпова 2018, 248–249]. Наложение аккузативных формантов, имеющих различные ареалы распространения (суффикс *-ыз* представлен в южных говорах, суффикс *-ды* – в северных), произошло в результате междиалектного взаимодействия падежных систем.

5.2. *Двойное выражение семантико-синтаксической функции падежа*. В коми-зырянском языке зафиксированы случаи одновременного употребления суффикса элатива (*-ысь*) и суффикса компаратива (*-ся*) при выражении сравнительного значения: кз. *Од бать-мамныс медыджыд воксяысь, Илляысь, дас окмыс арёсон и вёлыны ыджыдджыкось!* (И. Торопов) 'Ведь родители были старше старшего брата, Ильи, всего на восемнадцать лет!'.

Одновременное употребление суффиксов развилось в результате взаимодействия падежных систем литературного языка и диалектов, падежная система которых характеризуется наличием компаратива.

В удмуртском языке зафиксировано одновременное употребление суффиксов терминатива и датива для усиления значения темпорального предела [Кондратьева 2011, 220], удм. *Нош татчы, машиназ пуксьыса, нуналлы быдэ ветлэ. Ужез бер; ытозылы тырме.* (Эчбур!, 2014.07.02) 'А сюда [он] каждый день приезжает на своей машине ('сев в свою машину'). У него работы хватает до позднего вечера'.

Свойства падежных суффиксов в приведенных типах двойного падежного маркирования различаются, что предопределяет их дальнейшее развитие. В случае сложения суффиксов деривационного и плеонастического типа между падежными суффиксами не могут употребляться показатели посессивности и множественности, поэтому в результате слияния двух суффиксов можно ожидать развитие нового падежного суффикса; это подтверждает приведенный материал пермских языков. При эллиптическом двойном падежном маркировании наблюдается различие грамматических свойств суффиксов, использованных в составе одной словоформы. Падежным принято считать только второй суффикс. Первый суффикс трактуется как деривационный [Бертагаев 1969, 36; Шагдаров 2013, 74; Кривошеков 2015; др.] или как формообразующий [Сергеев 2002, 109–118; Кондратьева 2011, 216]. В грамматических описаниях для такого двойного падежного маркирования традиционно используется термин *двойное / вторичное склонение* [Мельчук 1998, 342; Сергеев 2002, 109; Шагдаров 2013, 74; Кривошеков 2015; др.]. Представляется, что такие случаи можно рассматривать как групповое оформление именной группы. Многие аспекты этого явления нуждаются в дополнительном осмыслении на более широком типологическом и теоретическом фоне.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Языки и диалекты:

- бавл. – бавлинский диалект удмуртского языка,
- кз. – коми-зырянский язык,
- кп. – коми-пермяцкий язык,
- удм. – удмуртский язык,
- сев. – северное наречие удмуртского языка,
- сс. – среднесысольский диалект коми-зырянского языка.

ЛИТЕРАТУРА

- Алатырев В. И.* Выделительно-указательная категория в удмуртском языке: Расширенный доклад на III Международном конгрессе финно-угроведов в г. Таллине. Ижевск, 1970. 74 с.
- Баталова Р. М.* Коми-пермяцкая диалектология. М.: Наука, 1975. 252 с.
- Бертагаев Т. А.* Морфологическая структура слова в монгольских языках. М.: Наука, 1969. 183 с.
- ГМЯ – Грамматика мордовских языков. Фонетика, графика, орфография, морфология. Саранск: Морд. гос. ун-т, 1980. 430 с.
- Едыгарова С. В.* Категория посессивности в удмуртском языке. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2010. 290 с.
- Емельянов А. И.* Грамматика вотяцкого языка. Л.: Изд-во Ленингр. восточн. ин-та, 1927. 160 с.
- Карпова Л. Л.* Диалекты северного наречия удмуртского языка: формирование и современное состояние: дис. ... д. филол. наук. Ижевск, 2018. 564 с.
- Кельмаков В. К.* Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1998. 386 с.
- Кондратьева Н. В.* Категория падежа имени существительного в удмуртском языке. Ижевск: Удм. ун-т, 2011. 255 с.
- Кондратьева Н. В.* К вопросу о явлении дупадежности в современном удмуртском языке // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология, 2011. № 2. С. 111–117.
- ККЯ – Корпус коми языка: URL: <http://www.komicorpa.ru/> (дата обращения: 27.06.2021).
- КПЯ – Коми-пермяцкий язык. Введение, фонетика, лексика и морфология. – Кудымкар: Коми-пермяц. кн. изд-во, 1962. 340 с.
- Кривошеков, Е. В.* К проблеме двойных падежей в языках разных систем // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та, 2015. № 5 (100). С. 139–145.
- Кузнецов Н. В.* Пространственная семантика местных падежей коми языка (когнитивный анализ). Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2012. 244 с.
- КУЯ – Корпус удмуртского языка: URL: <http://web-corpora.net/> (дата обращения: 15.07.2021).

- Майтинская К. Е. Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков. М.: Наука, 1979. 263 с.
- Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. II, Ч. 2: Морфологические значения. М.: Языки русской культуры; Вена: Wiener Slawistischer Almanach, 1998. 544 с.
- Некрасова Г. А. О падежах на -лань(-) в коми языке // *Fenno-Ugristica* 12: Труды по финно-угроведению. Пауль Аристе и его деятельность / Уч. зап. Тарт. гос. ун-та. – Вып. 690. Тарту: Изд-во ТГУ, 1985. С. 147–154.
- Некрасова Г. А. Фонетическая структура слова и типы падежных алломорфов в коми языке // *Linguistica Uralica*, 2009. Т. 45. № 1. С. 9–22.
- Некрасова Г. А. Варьирование падежных суффиксов в современном удмуртском языке // *Ежегодник финно-угорских исследований*, 2020. Т. 14. № 1. С. 25–32.
- Некрасова Г. [А.] Эллиптические конструкции и двойное падежное маркирование в удмуртском языке // *Linguistica Uralica*, 2018. Т. 54. № 4. С. 286–295.
- ÖKK –Öния коми кыв. Морфология. – Сыктывкар: Коми небöглэдзанін, 2000. 544 с.
- Павлов И. П. Современный чувашский язык в 2 т. Т. 2: Морфология. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. гос. ин-та гуманитар. наук, 2017. 448 с.
- Попова Р. П., Сажина С. А. Фонетические и морфологические особенности коми диалектов (сравнительный аспект исследования). Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2014. 272 с.
- Сажина С. А. Падежная система верхнекамского наречия коми-пермяцкого языка / С. А. Сажина // *Пермистика* 13: Вопросы пермского языкознания / Труды ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. Сыктывкар, 2012. Вып. 69. С. 189–196.
- Сажина С. А. Словоизменение существительных в языке кировских пермяков / С. А. Сажина // *Ежегодник финно-угорских исследований*, 2021. Т. 15. – № 1. С. 34–44.
- Сергеев В. И. Морфологические категориальные и некатегориальные формы в современном чувашском языке / В. И. Сергеев. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2002. 300 с.
- Колегова Н. А. ССД – Среднесысольский диалект коми языка / Н. А. Колегова, Г. Г. Бараксанов. М.: Наука, 1980. 226 с.
- Федюнева Г. В. Первичные местоимения в пермских языках / Г. В. Федюнева. Екатеринбург: УрО РАН, 2008. 427 с.
- Шагдаров Л. Д. Проблемы новой академической грамматики бурятского языка (имя существительное, имя прилагательное, наречие, послелог, модальные слова, слова категории состояния, изобразительные слова). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2013. 192 с.
- Arkhangelskiy T, Usacheva M. Case compounding in Beserman Udmurt // *Eesti ja soome-ugrikeeleteaduseajakiri. Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics (ELESUKA–JEFUL)*. –Tartu, 2018. Vol. 9. № 1. Pp. 111–138.
- Baker R. The Development of the Komi Case System. A Dialectological Investigation. Helsinki, 1985. 266 p. (= MSFOu 189).
- Hamari A. Genitive and the secondary declension of the Mordvin languages – a syntactic perspective // *CongressusDuodecimus Internationalis Fenno-Ugristarum. Oulu* 17.–21.8.2015. Book of Abstracts. Oulu: University of Oulu, 2015. Pp. 61–62.
- Noonan M. Case compounding in the Bodic languages // *Case and Grammatical Relations: Studies in honor of Bernard Comrie*. Amsterdam: John Benjamins, 2008. Pp. 127–148. (= *Typological studies in language* 81)
- Winkler E. Udmurtische Grammatik. Wiesbaden: Harrassowitz in Kommission, 2011. 181 S. (= *Veröffentlichungen der SocietasUralo-Altaica* 81).

Поступила в редакцию 23.10.2020

Некрасова Галина Александровна,

доктор филологических наук, главный научный сотрудник
Институт языка, литературы и истории ФИЦ «Коми НЦ УрО РАН»,
167982, Россия, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д.26
e-mail: komilang@gmail.com

G. A. Nekrasova

DOUBLE CASE MARKING IN THE PERMIAN LANGUAGES

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-3-378-386

The article is devoted to the study of word forms containing two or more different case suffixes. The types of double case marking have been identified, the area of their distribution has been clarified. It is established that the majority of typologically distinguished types of double case marking are represented in the Permian languages and their dialects: 1) *elliptical* (Simple headless adnominal) is represented in all Permian languages, it is widely used in the Udmurt language; 2) *derivational* takes place in the Komi languages during the formation of separate case forms of personal pro-

nouns of the 1st and 2nd person plural; 3) *the addition of locative suffixes* (Case stacking) was characteristic of the early stages of the Permian languages. A typical example is the indicators of approximative-locative cases of the Komi languages, formed as a result of merging of the approximative suffix and suffixes of other locative cases, cf. *керка-лань* 'towards the house', *керка-ланьысь* 'from the house', *керка-ланьын* 'near the house', etc.; 4) *duplication of the vertex case with a nominal dependent* (Headed adnominal with a case-marked head) is observed only with inversion and parcellation; 5) *pleonastic* (a combination of two case suffixes duplicating the same meaning). The duplication of the morphological expression of the case is fixed (in the Komi-Zyryan language, the suffixes of the genitive and the dative of nouns are added to the forms of the genitive and the dative of personal and intensifying personal pronouns of the 1st and 2nd person singular) and the double expression of the semantic-syntactic function of the case (in the Komi-Zyryan language, the suffixes of the elative and the comparative can be used simultaneously when expressing the comparative meaning). The properties of case suffixes in various types of double case marking and the possibility of their further development are noted. The empirical basis for the study was the original texts in the Komi-Zyryan, Komi-Permian and Udmurt languages from printed sources and electronic corpora.

Keywords: Permian languages, morphology, noun, pronoun, case category, double case marking, ellipsis, pleonasm, inversion, parcellation.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2022, vol. 16, issue 3, pp. 378–386. In Russian.

REFERENCES

- Alatyrev V. I.** Vydelitel'no-ukazatel'naya kategoriya v udmurtskom yazyke: Rasshirennyj doklad na III Mezhdunarodnom kongresse finno-ugrovedov v g. Talline [A distinguishing-demonstrative category in the Udmurt language: Extended report at the III International Congress of Finno-Ugric Scholars in Tallinn]. Izhevsk, 1970. 74 p. In Russian.
- Batalova R. M.** *Komi-permyackaya dialektologiya* [Komi-Permian dialectology]. Moscow: Nauka Publ., 1975. 252 p. In Russian.
- Bertagaev T. A.** *Morfologicheskaya struktura slova v mongol'skih yazykah* [Morphological structure of the word in the Mongolian languages]. Moscow: Nauka Publ., 1969. 183 p. In Russian.
- ГМЯ – Grammatika mordovskih yazykov. Fonetika, grafika, orfografiya, morfologiya** [Grammar of the Mordovian languages. Phonetics, graphics, spelling, morphology]. Saransk: Mord. gos. un-t Publ., 1980. 430 p. In Russian.
- Edygarova S. V.** *Kategoriya possessivnosti v udmurtskom yazyke* [Category of possessiveness in the Udmurt language]. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus Publ., 2010. 290 p. In Russian.
- Emelyanov A. I.** *Grammatika votyackogo yazyka* [Grammar of the Votyak language]. Leningrad: Izd-vo Leningr. vostochn. in-ta Publ., 1927. 160 p. In Russian.
- Karpova L. L.** *Dialekty severnogo narechiya udmurtskogo yazyka: formirovanie i sovremennoe sostoyanie: Dis. doct. filol. nauk* [Dialects of the Northern supradialect of the Udmurt language: formation and current state: Doct. filol. sci.diss]. Izhevsk, 2018. 564 p. In Russian.
- Kel'makov V. K.** *Kratkij kurs udmurtskoj dialektologii: Vvedenie. Fonetika. Morfologiya. Dialektnye teksty* [A short course of Udmurt dialectology: Introduction. Phonetics. Morphology. Dialect texts]. Izhevsk: Izd-vo Udm. un-ta Publ., 1998. 386 p. In Russian.
- Kondratyeva N. V.** *Kategoriya padezha imeni sushchestvitel'nogo v udmurtskom yazyke* [The case category of the noun in the Udmurt language]. Izhevsk: Izd-vo Udm. un-ta Publ., 2011. 255 p. In Russian.
- Kondratyeva N. V.** K voprosu o yavlenii dvupadezhnosti v sovremennom udmurtskom yazyke [On the problem of the phenomenon of double cases in the modern Udmurt language]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser. Istoriya i filologiya* [Bull. of Udmurt Univ. Series History and Philology]. 2011a. № 2. P. 111–117. In Russian.
- KKJA – Korpus komi yazyka** [Corpus of the Komi language]. Available at: <http://www.komicorpora.ru/> (accessed June 27, 2021). In Komi.
- КРЯ – Komi-permyackij yazyk. Vvedenie, fonetika, leksika i morfologiya** [The Komi-Permian language. Introduction, phonetics, vocabulary and morphology]. Kudymkar: Komi-permyac. kn. izd-vo Publ., 1962. 340 p. In Russian.
- Krivoshchekov E. V.** K probleme dvojnnyh padezhej v yazykah raznyh sistem [On the problem of double cases in languages of different systems]. *Izvestiya Volgogradskogo gos. ped. un-ta*. 2015. № 5 (100). P. 139–145. In Russian.
- Kuznetsov N. V.** *Prostranstvennaya semantika mestnyh padezhej komi yazyka (kognitivnyj analiz)* [Spatial semantics of locative cases of the Komi language (cognitive analysis)]. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus Publ., 2012. 244 p. In Russian.
- KUJA – Korpus udmurtskogo yazyka** [Corpus of the Udmurt language]. Available at: <http://web-corpora.net/UdmurtCorpus> (accessed July 15, 2021). In Udmurt.
- Maitinskaya K. E.** *Istoriko-sopostavitel'naya morfologiya finno-ugorskih yazykov* [Historical and comparative morphology of the Finno-Ugric languages]. Moscow: Nauka Publ., 1979. 263 p. In Russian.
- Mel'chuk I. A.** *Kurs obshchej morfologii* [General Morphology course]. Moscow: Yazyki russkoj kultury Publ., Vienna: Wiener Slawistischer Almanach Publ., 1998. Vol. II, Part 2: Morphological meanings. 544 p. In Russian.

Nekrasova G. A. O padezhah na -lan(-) v komi yazyke [About the cases of na -lan(-) in the Komi language]. *Fenno-Ugristica 12: Trudy po finno-ugrovedeniyu. Paul' Ariste i ego deyatelnost' / Uch. zap. Tart. gos. un-ta* [Fenno-Ugristica 12: Works on Finno-Ugric studies. Paul Ariste and his activities / Scientific notes of the Tartu State Univ.], Issue 690. Tartu: Izd-vo TGU Publ., 1985. P. 147–154. In Russian.

Nekrasova G. A. Foneticheskaya struktura slova i tipy padezhnyh allomorfov v komi yazyke [The phonetic structure of the word and the types of case allomorphs in the Komi language] *Linguistica Uralica*. 2009. Vol. 45, № 1. P. 9–22. In Russian.

Nekrasova G. A. Var'irovanie padezhnyh suffiksov v sovremennom udmurtskom yazyke [Variation of case suffixes in the modern Udmurt language]. *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij* [Yearbook of Finno-Ugric studies]. 2020. Vol. 14. № 1. P. 25–32. In Russian.

Nekrasova G. A. Ellipticheskie konstrukcii i dvojnoe padezhnoe markirovanie v udmurtskom yazyke [Elliptic constructions and double case marking in the Udmurt language] *Linguistica Uralica*. 2018. Vol. 54, № 4. P. 286–295. In Russian.

ÖKK – Ludykova V. M., Nekrasova G. A., Popovaj E. N., Fedyuneva G.V., Tsypanov E. A. *Öniya komi kyv. Morfologiya* [Modern Komi language. Morphology]. Syktyvkar: Komi nebög ladzanin Publ., 2000. 544 p.

Pavlov I. P. *Sovremennyy chuvashskij yazyk v 2 t.* [Modern Chuvash language in 2 volumes]. Cheboksary: Izd-vo CHuvash. gos. in-ta gumanitar. nauk Publ., 2017. Vol. 2: Morphology. 448 p. In Russian.

Popova R. P., Sazhina S. A. *Foneticheskie i morfologicheskie osobennosti komi dialektov (sravnitel'nyj aspekt issledovaniya)* [Phonetic and morphological features of Komi dialects (comparative aspect of the study)]. Syktyvkar, 2014. 272 p. In Russian.

Sazhina S. A. Padezhnaya sistema verhnokamskogo narechiya komi-permyackogo yazyka [The case system of the Upper-Kama dialect of the Komi-Permian language]. *Permistika 13: Voprosy permskogo yazykoznanija / Trudy IYALI Komi NC UrO RAN* [Permistics 13: Problems of Permian Linguistics / Proc. of the Inst. of Language, Liter. and History, Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS]. Syktyvkar, 2012. Issue 69. P. 189–196. In Russian.

Sazhina S. A. Slovoizmenenie sushchestvitel'nyh v yazyke kirovskih permyakov [Inflection of nouns in the language of the Kirov Permians]. *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij* [Yearbook of Finno-Ugric studies]. Izhevsk, 2021. Vol. 15. № 1. P. 34–44. In Russian.

Sergeev V. I. *Morfologicheskie kategorial'nye i nekategorial'nye formy v sovremennom chuvashskom yazyke* [Morphological categorical and non-categorical forms in the modern Chuvash language]. Cheboksary: Izd-vo Chuvash. un-ta Publ., 2002. 300 p. In Russian.

SSD – Kolergova N. A., Baraksanov G. G. *Srednesysol'skij dialekt komi yazyka* [Mid-Sysola dialect of the Komi language]. Moscow: Nauka Publ., 1980. 226 p. In Russian.

Fedyuneva G. V. *Pervichnye mestoimeniya v permskih yazykah* [Primary pronouns in the Permian languages]. Ekaterinburg: UrO RAN Publ., 2008. 427 p. In Russian.

Shagdarov L. D. *Problemy novoj akademicheskoy grammatiki buryatskogo yazyka (imya sushchestvitel'noe, imya prilagatel'noe, narechie, poslelogi, modal'nye slova, slova kategorii sostoyaniya, izobrazitel'nye slova)*. [Problems of the new academic grammar of the Buryat language (noun, adjective, adverb, postpositions, modal words, state category words, descriptive words)]. Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN Publ., 2013. 192 p. In Russian.

Arkhangelsky T., Usacheva M. Case compounding in Beserman Udmurt // Eesti ja soome-ugri keeleteaduse ajakiri. *Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics (ELESUKA-JEFUL)*. Tartu, 2018. Vol. 9, № 1. P. 111–138. In English.

Baker R. *The Development of the Komi Case System. A Dialectological Investigation*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1985. 266 p. (= MSFOu 189). In English.

Hamari A. Genitive and the secondary declension of the Mordvin languages – a syntactic perspective. *Congressus Duodecimus Internationalis Fenno-Ugristarum*. Oulu 17.–21.8.2015. Book of Abstracts. Oulu: University of Oulu, 2015. P. 61–62. In English.

Noonan M. Case compounding in the Bodic languages. *Case and Grammatical Relations: Studies in honor of Bernard Comrie*. Amsterdam: John Benjamins, 2008. P. 127–148. (= Typological studies in language 81). In English.

Winkler E. *Udmurt grammar*. Wiesbaden: Harrassowitz in Kommission, 2011. 181 p. (= Publications of the Societas Uralo-Altaica 81). In English.

Received 23.10.2020

Nekrasova Galina Aleksandrovna,
Doctor of Philological Sciences, Chief Researcher,
Institute of Language, Literature and History,
Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences
26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar, 167982, Russian Federation
E-mail: komilang@gmail.com